

Глава 7. В поле

Сяо Чэньюй, держа в руке недоеденное мороженое, вышел вслед за Ван Чи. Они прошли всего несколько шагов, как тот обернулся и сказал:

— Садись в машину.

Машину? Какую ещё машину? Сяо Чэньюй растерянно огляделся по сторонам и, опустив взгляд, наконец заметил перед собой... старенький педальный трёхколёсник.

Кузов у него был длиной чуть больше метра, а внутри лежало несколько мешков с надписью «мочевина».

Ван Чи опустил задний борт и коротко сказал:

— Залезай.

— В... в трёхколёску? А нет электроскутера? — Сяо Чэньюй не верил своим ушам.

— Нет. Залезай.

Сяо Чэньюй обычно и на электроскутере не ездил... шлем ведь портит причёску. А теперь ему предлагают усесться в кузов древнего велосипеда? Да это же полное падение имиджа!

— Не сяду, — нахмурился он.

Но Ван Чи уговаривать не стал. Бросил на него один холодный взгляд, поднял борт, обошёл к седлу и, поставив ногу на педаль, снял тормоз.

— Ну тогда иди пешком. — Он крутнул педали и поехал.

— Эй, подожди! Подожди меня! — закричал Сяо Чэньюй. Пешком идти он не собирался, так что, не видя иного выхода, догнал трёхколёсник и вскочил в кузов.

Был уже вечер. Солнце висело над землёй, словно растекающийся желток, окрашивая всё вокруг в тёплый янтарный свет.

Сяо Чэньюй, слегка покачиваясь на ухабах, доедал мороженое, когда услышал голос Ван Чи:

— Ты сказал Ван Синьляю, что мы с тобой друзья?

— Угу, — отозвался он, не отрываясь от сладости.

— А мы с тобой и правда друзья?

— Мы ведь живём вместе... как же не друзья? В любом случае, я-то тебя другом считаю, — сказал Сяо Чэньюй, прищурившись от солнца. Его глаза отражали закат, и в них плавал золотой свет.

Ван Чи обернулся и почему-то в этот момент всё показалось ему удивительно тёплым и спокойным. Он чуть помедлил, а потом сказал:

— Не ешь так много холодного. Ты же только оправился после болезни. Переохладишь желудок.

— Да всё со мной нормально. Я часто много ем, — беззаботно ответил Сяо Чэньюй, наклонившись ближе. И с лёгкой усмешкой добавил: — Это ты сейчас заботишься обо мне, да?

— Сядь нормально, держись, — Ван Чи мягко, но решительно оттолкнул его за голову. — Я просто переживаю, сможешь ли ты вернуть мне двадцать шесть юаней.

Вот ведь человек... — подумал Сяо Чэньюй с досадой. — Никакого чувства романтики! Даже в такой момент думает о деньгах.

Юноша поперхнулся, не зная, что сказать.

Но... хотя Ван Чи всегда говорил с ним резко, по крайней мере, он не бросил его тогда в лавке одного и даже без колебаний заплатил за него.

Так было и в ту ночь, когда хлынул ливень. Ван Чи бросил вниз верёвку, когда у Сяо Чэньюя уже не было сил подняться. Он мог просто уйти, но вместо этого, рискуя сам застрять в ловушке, спрыгнул вниз и вытащил его. При этом ещё и поранил руку.

Никто не знал, что у него была температура, но Ван Чи это заметил и тихо напомнил ему выпить лекарство.

«Ван Чи, на самом деле, очень, очень хороший человек», — подумал Сяо Чэньюй, глядя на зажившую царапину у него на локте.

Эта мысль вызвала у него лёгкое чувство вины. Он понимал, что долг за своё пребывание у Ван Чи его бабушка с дедушкой когда-нибудь непременно вернут, но всё равно чувствовал неловкость от того, что просто живёт у него, ничего не делая.

Он спросил:

— Где здесь можно заработать? Я хочу пойти на работу.

— На работу? Зачем?

— Чтобы вернуть тебе деньги.

Ван Чи удивлённо поднял бровь, подумал немного и сказал:

— Тогда иди работай у меня. Поможешь мне с посадкой риса. Сто в день.

Сяо Чэньюй и не подозревал, что сейчас в деревне за такую работу платят уже больше двух сотен. А для него, у которого в кармане не было ни гроша, сто в день показалось просто огромными деньгами. Он едва не подпрыгнул от радости.

— Идёт! — воскликнул он.

Сказано — сделано. Два дня спустя, во второй половине дня, Сяо Чэньюй и правда отправился с Ван Чи в поле.

Поле находилось довольно далеко от дома. Обычно Ван Чи ходил туда пешком, но на этот раз, с попутчиком, решил ехать на трёхколёсном велосипеде.

Перед выходом он несколько раз заходил в дом и выходил обратно, собирая всякую мелочь — набрал столько, что почти половина кузова оказалась забита.

Сяо Чэньюй в это время играл с собакой, а из дома доносился голос Цзинь Сю:

— Зачем ты столько всего берёшь?

— Всё нужное, — ответил Ван Чи.

Перед самым выходом он надел на голову Сяо Чэньюя соломенную шляпу с широкими полями. Тот тут же снял её, нахмурившись:

— Она не идёт мне.

Ван Чи снова надел шляпу и закрепил её под подбородком резинку:

— Главное — чтобы было удобно. Садись, поехали.

Рисовое поле, куда они направлялись, находилось у поворота сельской дороги. Площадь у него была небольшая, к тому же земля лежала неровно, и использовать механическую рассадопосадочную машину было невозможно — приходилось делать всё вручную.

Ван Чи остановил трёхколёсник, достал из кузова резиновые сапоги, протянул их Сяо Чэньюю и повёл его вниз, в залитое водой поле.

Под ногами жижа была мягкая и скользкая, каждый шаг уходил чуть глубже в вязкую грязь.

Сяо Чэньюй никогда прежде не ходил по такой земле; ему было любопытно. Он болтал ногой в мутной воде, и круги расплзались вокруг, поднимая со дна муть.

Ван Чи подошёл, держа в руках пучок рисовой рассады, и показал ему, как сажать: левой рукой отделял ростки, правой втыкал их в ил, двигаясь назад, ряд за рядом — быстро и ровно.

Сяо Чэньюй, глядя на это, оживился и нетерпеливо попросился попробовать.

Тогда Ван Чи протянул ему охапку рассады, указал участок, где можно начать, и позволил делать это самому.

Было уже за три часа дня — солнце перестало жечь так беспощадно, и стоять по колени в воде казалось даже прохладным.

Поле было небольшое; один Ван Чи управился бы здесь меньше чем за два часа. Он специально выбрал этот участок и это время, потому что вовсе не собирался всерьёз заставлять Сяо Чэньюя надрываться.

Скорее уж — ради забавы, как с ребёнком: всё лучше, чем отпускать его работать где-то ещё.

Прошло около получаса, Ван Чи всё это время молча трудился, пока вдруг не заметил, что Сяо Чэньюй подозрительно притих.

Он был уверен, что тот сдастся через пять минут и начнёт жаловаться на усталость, но с той стороны поля не доносилось ни звука.

Ван Чи выпрямился, посмотрел — а тот стоит, согнувшись, возится в воде, будто что-то ищет.

Может, рассада уронил?

Он двинулся к нему по воде, а Сяо Чэньюй, увидев его, радостно воскликнул:

— Смотри, здесь рыбки плавают!

Он и предположить не мог, что тот хоть сколько-то воспримет работу всерьёз, но всё же не ожидал, что парень отвлечётся на рыбу.

Настоящий ребёнок, — подумал он. — Причём ещё и непоседа.

Говорил про работу, а сам откровенно лодырничает.

— Рис посадил? — спросил он.

— Почти, — ответил Сяо Чэньюй.

Ван Чи ногой поддел несколько криво торчащих ростков:

— Это ты так посадил?

— Ну да, — совершенно спокойно сказал тот. — Я ведь впервые в жизни в поле, для первого раза и так неплохо.

Сказав это, юноша снова нагнулся, пытаясь поймать рыбку, и в пылу умудрился сломать один росток.

Так он только мешал делу...

Ван Чи махнул рукой:

— Ладно, иди отдохни, без тебя справлюсь.

— А как же моя зарплата?..

— Получишь, не волнуйся.

Услышав это, Сяо Чэньюй мигом забыл про рыб и поспешил выбраться на берег.

Снял сапоги, одежда у него осталась почти чистой, он старательно берёт её, чтобы не испачкаться. Только руки были все перепачканы в мокрой грязи, потому что работал юноша без перчаток.

Он держал руки перед грудью, не зная, как их отмыть, и вдруг увидел, как Ван Чи подошёл, достал из кузова трёхколёсного велосипеда большую флягу, открыл крышку и сказал:

— Иди сюда, сполосни руки.

Когда руки стали чистыми, ловить рыбу больше не получалось, и делать было решительно нечего. Сяо Чэньюй уселся на сиденье трицикла и уже через несколько минут ему стало скучно.

Жаркое солнце жгло кожу головы, начинала болеть макушка, и он решил, что пора домой.

— Слишком жарко, — пожаловался он.

Ван Чи снова прервал работу, ополоснул руки, подошёл к машине и достал из кузова

свернутую циновку. Зажав её под мышкой, он пошёл к большому дереву, развернул циновку в тени и позвал:

— Иди, полежи здесь.

Лежать на прохладной циновке под деревом и правда было очень приятно. Сяо Чэньюй даже восхитился: теперь понятно, почему Ван Чи перед выходом так долго собирался — вот ведь предусмотрительный человек!

Кузов машины казался всё ещё набитым... наверняка там прячется что-нибудь ещё интересное.

Он осмелел и сказал:

— Я пить хочу.

Ван Чи достал из кузова яблоко и протянул ему.

Сяо Чэньюй обрадовался, пожевал, потом добавил:

— А ещё я есть хочу.

Ван Чи снова потянулся в кузов и достал кусочек тыквенного пирога.

Сяо Чэньюй бросил быстрый взгляд на трицикл и продолжил:

— А я ещё...

— Хватит, — перебил его Ван Чи. — Сиди спокойно, я закончу и поедем.

Сяо Чэньюй послушно кивнул, но, прижимая к груди яблоко, довольно перекатился на спину.

Убедившись, что тот устроился, Ван Чи вернулся в поле и принялся за работу быстрее прежнего. Завтра обещали дождь, поэтому сегодня нужно было закончить — откладывать работу нельзя.

Но он явно недооценил упрямство господина Сяо.

Пятнадцать минут спустя вся еда была уничтожена подчистую, вид вокруг надоел, и он снова принялся мешать.

— Давай домой, — предложил он.

— Подожди, пока я закончу.

— Но я хочу домой. Ну отвези меня, или я сам доеду на трицикле.

Ван Чи почувствовал, как у него начинает болеть голова.

— Почему тебе так не терпится?

— Потому что мне скучно.

Он снова отложил работу, вышел на край поля и спросил:

— Точно хочешь домой?

Сяо Чэньюй энергично закивал.

Работать под палящим солнцем и без того было жарко, а постоянные прерывания делали состояние всё ещё хуже. Ван Чи чувствовал, как у него пульсирует в висках, как из каждой поры льётся пот, его рубашка прилипла к спине.

Он подумал, что, может, проще отвезти Сяо Чэньюя домой и потом вернуться один, чем так маяться, и, не задумываясь, снял с себя рубашку, бросив её в кузов трёхколёсного велосипеда.

Неожиданно глаза Сяо Чэньюя загорелись.

Ван Чи замер, потом опустил взгляд и мгновенно всё осознал.

На секунду ему захотелось снова накинуть рубашку, но, поколебавшись, он всё же этого не сделал.

Он присел перед Сяо Чэньюем и в последний раз попытался договориться:

— Подожди ещё полчаса, ладно? Потом сразу поедем.

Сяо Чэньюй неожиданно стал сговорчивым:

— Ладно-ладно, подожду.

Больше Ван Чи ничего не сказал, поднялся и снова зашёл в поле.

Он даже не оборачивался и всё равно знал: взгляд Сяо Чэньюя прикован к нему.

Точнее, к его обнажённому телу.

Продолжая работать, Ван Чи с сухой иронией подумал: похоже, благодаря этому парню он дожил до того дня, когда приходится продавать внешность.

<http://bllate.org/book/12345/1101753>